

Къ драмѣ жизни Шевченка.

(Къ 51-й годовщинѣ смерти).

Исторія жизни Шевченка,—она такъ извѣстна,—отъ рожденія и вплоть до могилы, можетъ быть названа тягостной, мучительной драмой; исторія его мысли и творчества — драмой не менѣе тяжелой. Личная драма у него тѣсно и неразрывно сплетается съ драмой его какъ гениальнаго выразителя чаяній и сокровенныхъ идеаловъ родного ему народа. Едва ли, однако, не наиболѣе драматическою стороною въ жизни и творествѣ украинскаго поэта является одиночество его не какъ человѣка, а какъ художника. Вѣдь Шевченко, помимо обычной для гениевъ участи — предвосхищать силой интуиціи то, къ чему значительно позже придетъ сила мысли, знанія и общественной эволюціи, лишень былъ возможности воспользоваться хотя бы тѣми робкими указаніями, съ которыми иногда приходятъ къ поэту современники, помогая критикой и оцѣнкой его творчества уяснить самому себѣ создаваемые художественные образы, включить въ число ихъ новые, болѣе совершенные, порою расширить границы творчества, направить творящее „я“ по новымъ путямъ и къ новымъ художественнымъ достиженіямъ.

Шевченко лишень былъ возможности пользоваться такими указаніями. Его муза, его творчество, вся его поэтическая дѣятельность стояли у колыбели украинской общественной мысли, когда эта послѣдняя,—слабая, научно не обоснованная,—только пыталась формулировать свое содержаніе, базируясь главнымъ образомъ на національныхъ эмоціяхъ да на романтическомъ интересѣ къ этнографическимъ особенностямъ родного народа и дѣлая только первые робкіе шаги въ направленіи къ выясненію національно-политическихъ идеаловъ Украины.

Обращаясь къ послѣднимъ, поскольку они воплощены были въ программѣ Кирилло-Меѳодіевскаго общества и въ „Книгѣ бытія украинскаго народа“, и сравнивая ихъ съ міровоззрѣніемъ Шевченка, получившимъ свое выра-

женіе въ „Кобзарѣ“, нельзя не видѣть громадной, бросающейся въ глаза разницы: поэтъ уходитъ далеко впередъ отъ стремленій Кирилло-Меѳодіевскаго общества, оставляетъ позади себя идейныхъ выразителей современнаго ему украинскаго общества и является одинокимъ, далеко превзошедшимъ крайнія, послѣднія достиженія національно-общественной мысли. У послѣдней ему зачастую нечего взять. Наоборотъ, болѣе рѣшительная формулировка нѣкоторыхъ вопросовъ въ программѣ „братчиковъ“ стоитъ въ зависимости, какъ объ этомъ не безъ основанія говоритъ современный изслѣдователь, отъ вліянія Шевченка ¹⁾. Онъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и художественныхъ образахъ какъ бы воплощаетъ идеи Кирилло-Меѳодіевскаго общества, служить тѣмъ же цѣлямъ, преслѣдуетъ тѣ же задачи, но въ то же время по отношенію къ „Братству“ оказывается „еретикомъ“, ибо захватываетъ его идеи шире, проводитъ ихъ послѣдовательнѣе. Онъ создаетъ галерею художественныхъ образовъ, внутренняя логика которыхъ является собой *sui generis* программу, далеко превосходящую программу „братчиковъ“ и не укладывающуюся въ организационныя рамки Кирилло-Меѳодіевскаго общества. Это программа художественныхъ образовъ съ пламеннымъ призывомъ къ борьбѣ за поправленія права человѣка, націи, человечества,—образовъ, воплощающихъ борьбу противъ хаоса жизни, ея дисгармоніи, ея зла, проявляется ли оно въ социальныхъ, политическихъ, национальныхъ или семейныхъ отношеніяхъ. Эта-то программа, художественные носители которой не знаютъ половинчатости, непослѣдовательности идеаловъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, и является цѣльными, законченными образами демократической послѣдовательности и активного протестантства.

Шпіонъ Андрузскій въ своемъ извѣтѣ на братчиковъ характеризуетъ Шевченка какъ „неумѣреннаго представителя малороссійской партіи въ Славянскомъ обществѣ“ ²⁾.

Въ этой шпіонской оцѣнкѣ есть правда, есть вѣрно подхваченная черта, подтвержденіе которой даетъ Костомаровъ въ своей автобіографіи, когда говоритъ о Шевченкѣ, что послѣдній, изъявляя готовность вступить въ

¹⁾ См. В. Семевскій, „Кирилло-Меѳодіевское Общество“, „Русск. Бог.“, 5 к., 1911 г., стр. 122.

²⁾ См. „Былое“, 1906 г., кн. 8, стр. 10.

Кирилло-Меѳодіевское общество, „отнесся къ его идеямъ съ большимъ задоромъ и крайней нетерпимостью“.

И дѣйствительно, сравнивая содержаніе творчества Шевченка съ идеалами братчиковъ, мы видимъ, что Шевченко отличался большею глубиною и шириною взгляда на отношенія жизни, большимъ радикализмомъ и послѣдовательностью формулировки назрѣвающихъ требованій жизни.

Въ особенности это надо сказать о социальномъ моментѣ въ творествѣ украинскаго поэта, занимающемъ здѣсь значительно большее мѣсто, чѣмъ это принято думать и чѣмъ удѣлено было ему вниманіе въ программѣ братчиковъ.

Правдой звучитъ замѣчаніе В. Семевскаго, что въ отношеніяхъ Шевченка къ Костомарову, какъ къ одному изъ главныхъ руководителей и основателей Кирилло-Меѳодіевскаго общества, „не историкъ влекъ поэта къ болѣе радикальнымъ взглядамъ, а поэтъ историка“¹⁾. Еще съ большимъ правомъ смыслъ, заключающійся въ замѣчаніи компетентнаго изслѣдователя, можетъ быть распространенъ на характеръ идейныхъ взаимоотношеній Шевченка и современнаго ему украинскаго общества.

Что далъ украинскому обществу его геніальный поэтъ и что онъ взялъ отъ него?

Отвѣтомъ на этотъ первый вопросъ является національное возрожденіе украинскаго народа, вѣстникомъ, пѣвцомъ, поэтическимъ выразителемъ и искупительной жертвой котораго былъ Шевченко. Съ нимъ оно связано, имъ укрѣплено, оправдано и выведено на широкіе, открытые и вѣрные пути. Онъ—не превзойденный донинѣ, но превзошедшій всѣхъ, кто былъ предъ нимъ, украинскій поэтъ. Образъ его такъ близокъ, такъ безконечно дорогъ каждому, кто знаетъ цѣну „искупительныхъ жертвъ“, кто видитъ въ возрожденіи народа побѣду живыхъ, рвущихся къ развитію стремленій, сдавленныхъ мертвыми формулами и идущими вразрѣзъ съ жизнью, но насильно навязываемыми ей тенденціями, кто радуется радости челоуѣчества, въ семью котораго возвращается многомилліонная часть его съ богатствомъ еще не выявленныхъ, но таящихся въ себѣ ферментъ развитія силъ.

¹⁾ „Русское Богатство“, кн. 5, 1911., стр.104—105.

Съ Шевченкомъ связана вся новѣйшая украинская литература, и если говорить объ ея демократической тенденціи какъ о главномъ признакѣ, выдѣляющемъ ее изъ ряда другихъ, о проникающей ее дѣятельной любви къ народнымъ массамъ, то источникомъ этого будетъ все тотъ же Шевченко и шевченковское начало въ этой литературѣ будетъ знаменоватъ собою начало движенія, протеста во имя свободы и возрожденія чело-вѣка,—возрожденія мыслимаго и осуществимаго въ великомъ, связанномъ солидарностью, но социальномъ угнетенномъ коллективѣ людей.

Что Шевченко взялъ у украинскаго общества? Едва ли много, если имѣть въ виду тѣ позаимствованія въ области политическихъ и національно-общественныхъ цѣнностей, которыя помогаютъ поэту расширять границы своего творчества, развивать свое міровоззрѣніе и удѣльный вѣсъ которыхъ всегда можетъ быть учтенъ при анализѣ творчества поэта и общественно-литературной оцѣнкѣ созданныхъ имъ образовъ. Прекрасны слова одного изъ переводчиковъ „Кобзаря“ на русскій языкъ, М. Славинскаго, отвѣчающаго на этотъ вопросъ: „Все, что сознательно или безсознательно жило и покоилось въ народномъ чувствѣ, все, что плакало, радовалось и стонало въ сердцѣ народномъ,—все слилось въ поэзіи Шевченка въ одинъ аккордъ, страстный, печальный, потрясающій. Шевченко все получилъ отъ народа и все отдалъ народу, отдалъ просвѣтленнымъ, претвореннымъ въ горнилѣ мысли, чувства и страданія“¹⁾. Но эти слова говорятъ въ сущности о матеріалѣ творчества поэта, объ источникѣ, изъ котораго онъ черпалъ свое вдохновеніе, свои сокровенные идеалы, свое отношеніе къ вещамъ и явленіямъ. За всѣмъ этимъ остается все-же нерѣшеннымъ вопросъ объ удѣльномъ вѣсѣ тѣхъ элементовъ въ творчествѣ поэта, которые должны быть отнесены къ вліянію украинскаго общества и которые не могутъ не интересоватъ историка украинской общественности. Этотъ вопросъ тѣмъ интересенъ, что у современниковъ Шевченка, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, казалось, имѣлись данныя для такого вліянія. Вѣдь въ той

¹⁾ Русскій переводъ „Кобзаря“ подъ ред. Славинскаго, СПб., 1911 г., стр. XXII.

группѣ украинскихъ дѣятелей, которые вошли въ составъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, были люди, превосходившіе Шевченка своими знаніями и образованностью. И, тѣмъ не менѣе, слѣдовъ ихъ вліянія мы не видимъ. Отношеніе къ Шевченку его современниковъ, даже наиболѣе видныхъ, оставившихъ слѣды въ русской и украинской наукѣ и обладавшихъ европейскимъ образованіемъ, было такимъ, которое исключаетъ даже малѣйшую возможность подобнаго вліянія. Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ-иллюстрацій къ высказанному.

Кулишу произведенія Шевченко показались „откровеніемъ свыше“; самъ поэтъ предсталъ передъ нимъ не какъ кобзарь, а какъ „національный пророкъ“, а „сіяніе духа шевченковыхъ произведеній было чѣмъ-то сверхъестественнымъ“. Костомарова „обдало страхомъ“, когда онъ впервые услыхалъ ненапечатаннаго еще произведенія поэта. „Я увидѣлъ,—говоритъ историкъ,—что муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!.. Тарасова муза прорвала какой-то подземный склепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатями“.

Максимовичъ, по словамъ поэта, „просто благоговѣть передъ моимъ стихомъ; Бодянской—тоже“.

Для молодежи того времени Шевченко былъ „небесный свѣтильникъ“, и „когда она,—свидѣтельствуешь Кулишъ въ своей „Хуторной поэзіи,“—услыхала пѣсни Шевченка, она воспріяла ихъ какъ голосъ воскрешающей трубы архангела ¹⁾).

При такомъ отношеніи современниковъ нѣтъ мѣста для объективной оцѣнки съ ихъ стороны творчества поэта; такое отношеніе исключаетъ возможность даже робкихъ указаній, какія нужны бываютъ поэту, хотя бы гениальному, для уясненія избранныхъ имъ путей творчества и провѣрки ихъ правильности. А въ этихъ указаніяхъ Шевченко безусловно нуждался.

Изученіе „Кобзаря“ навѣваетъ впечатлѣніе удивительной скромности поэта въ оцѣнкѣ своего творчества и общественнаго служенія его музы. Онъ какъ бы неувѣренъ въ своихъ силахъ, онъ, слышавшій вокругъ себя похвалы

1) „Хуторна поэзія“, стр. 6.

сучасників, видівши знаки поклонення передь своїм талантомъ, не успокаивается на лаврахъ, не поддается чувству самоудовлетворенія. Вы нигдѣ не прочтете у него ни одного слова, котрымъ бы онъ выдалъ свои чувства превосходства надъ другими и увѣренности, что его муза поэтически сильна и что онъ гордъ сознаниємъ силы своѣго пламеннаго слова. Наоборотъ, у него вырывается горячая мольба:

„Ридаю,
Молю ридаючи; пошли,
Подай душі убогій силу,
Щобъ огненно заговорила,
Щобъ слово пламенемъ взялось,
Щобъ людямъ серце ростило
І на Україні понеслось“.

Въ этой, приковывающей къ себѣ какой-то трагичностью чувства, страстной мольбѣ поэта слышатся ноты какъ бы нѣкогого сознания безсилія выполнить свое призваніе. Поэтъ этой мольбой бросаетъ яркій лучъ свѣта на характеръ тѣхъ болѣзненныхъ переживаній, якія испытывалъ онъ съ одной стороны на почвѣ неудовлетворенности своей поэтической дѣятельностью, а съ другой стороны—на почвѣ отсутствія той помощи или поддержки, которой онъ ждалъ отъ современниковъ.

Въ этомъ отношеніи необыкновенно интереснымъ является признаніе поэта, говорящее о томъ, что онъ не дождался „святої правди ні од кого“,— конечно, правды, касавшейся его дѣятельности какъ поэта. Въ дальнѣйшемъ поэтъ раскрываетъ, что именно онъ понимаетъ подъ этой правдой.

„Либонь, уже десяте літо,
Якъ людямъ дав я „Кобзаря“,
А їмъ неначе рот зашито:
Ніхто й не гавкне, не лайне,
Неначе й не було мене!
Не похвали собі, громадо,—
Без неї може обійдусь,—
А ради жду собі, поради;
Та мабутъ в яму перейду
Із москалів, а не дїждусь...
Міні було, ажъ серце мліло,—

Мій Боже милый, якъ хотілось,
Щобъ хто-нибудь міні сказав
Хоч слово мудре, щоб я знав,
Для кого я пишу, для чого,
За що я Україну люблю,
Чи варт вона огня святого?
Бо хоч зостаріюсь затого,
А ще не знаю, що роблю“.

Въ этихъ словахъ, вырвавшихся у поэта въ ссылкѣ (1849 г.), когда чувство оторванности отъ родного народа и отсутствіе общенія съ близкими людьми особенно мучительно давали себя знать, нельзя видѣть только нареканія на то, что онъ забытъ своими друзьями, единомышленниками, о которыхъ онъ еще раньше въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „Прежде, бывало, бросишь въ собаку, а попадешь въ друга, а какъ постигла меня бѣда, такъ святой вѣдаетъ, куда дѣвались друзья“. Значеніе признанія поэта, конечно, глубже и свидѣтельствуется о длительномъ процессѣ мучительныхъ переживаній, связанныхъ съ ожиданіемъ „порады“, съ страстнымъ желаніемъ, чтобы „хоть кто-нибудь“ сказалъ поэту „мудрое слово“ объ его творествѣ, о направленіи и содержаніи послѣдняго, чтобы поэтъ зналъ, „для кого“ и „для чего“ онъ творитъ и почему въ основѣ этого творчества лежитъ его пламенно-святая любовь къ Украинѣ. Быть-можетъ, поэтъ, предоставленный въ своемъ творествѣ самому себѣ, лишенный систематическаго образованія и всегда равнавшійся къ книгѣ, къ знанію, къ свѣту науки, видѣлъ въ „Кобзарѣ“ отраженіе личнаго несовершенства въ этомъ отношеніи и боялся, что его слово лишено достаточной силы для того вліянія, какое призвано оказывать, не такъ будетъ понято роднымъ ему народомъ и не принесетъ ожидаемаго „дорогого жнива“. Быть-можетъ, ему хотѣлось услышать то, что можно назвать объективной критикой его творчества, съ указаніемъ несовершенствъ его и съ аргументами, которые убѣдили бы поэта внести коррективъ въ это творчество. Кто знаетъ. Слишкомъ широкая гамма психологическихъ переживаній вмѣщается въ приведенной выше жалобѣ-признаніи Шевченка, чтобы исчерпать смыслъ ея, разложивъ ее на отдѣльные, составные моменты. Важнѣе тотъ фактъ, что ожидаемой „поради“ и „слова

мудрого“ поэтъ такъ и не дождался ни отъ критики со стороны земляковъ, общественно-національные идеалы которыхъ еще только формировались, ни отъ великорусской, реагировавшей на творчество украинскаго поэта „мертвыми словами“. Правда, уже послѣ возвращенія изъ ссылки, когда, по выраженію Жемчужникова, „непритворная любовь и уваженіе къ Шевченку окружали насъ“,—„мертвые слова“ Бѣлинскаго смѣнились признаніемъ огромнаго таланта за Шевченкомъ,—признаніемъ, высказаннымъ и Чернышевскимъ, и Добролюбовымъ. Но это было запоздалое признаніе, явившееся уже тогда, когда „неволя проковтнула“ не только „літа“ поэта, но и его здоровье, его силы и,—что самое главное,—подточила силы его великаго таланта. Въ періодъ развитія поэтическаго дарованія Шевченка, въ годы роста его поэтическихъ силъ, когда онъ творилъ свои бессмертные образы, когда онъ „пѣлъ“ свою незабвенную „пѣсню“, когда онъ закладывалъ мощное основаніе для украинской литературы и вливалъ чудотворный бальзамъ въ „розриту могилу“, заражая сознаніе украинскаго общества вѣрой въ силы націи и увѣренностью, что уже „день иде і за собою свѣтъ веде“,—въ это время онъ былъ одинокъ. И это слово—одинокій,—встрѣчающееся у него въ „Кобразѣ“ и обычно не запоминающееся нами глубоко, пріобрѣтаетъ въ связи съ приведенными признаніями поэта какой-то особый смыслъ, запечатлѣвается болѣзненно въ сознаніи читателя и воспринимается какъ знакъ, какъ ключъ къ пониманію одного изъ самыхъ драматическихъ моментовъ въ жизни и творествѣ украинскаго гения. Это слово какъ бы открываетъ завѣсу страданій Шевченка, не только какъ человѣка, но и какъ творца, не находившаго той оцѣнки произведеніямъ своего творчества, на которую онъ рассчитывалъ и съ которой считается каждый поэтъ-творецъ, принимая изъ нея цѣнное, отбрасывая ненужное. И кто знаетъ, быть-можетъ, въ той чашѣ страданій, какую пришлось въ продолженіе своей жизни испить „гениальному горемыкѣ“, горчайшими каплями были именно тѣ, которыя отравляли ущемленное сознаніе „одинокого“ и предоставленнаго самому себѣ въ своемъ творествѣ поэта. И, быть-можетъ, передъ этими страданіями блѣднѣютъ и ступеньваются тѣ, которыя пришлось испытывать поэту, какъ человѣку, извѣдавшему на самомъ себѣ весь ужасъ Николаевской эпохи, все про-

клятіе крѣпостной неволи, весь кошмаръ подневольной солдатчины, всѣ мучительныя переживанія борца, чувствующаго огромную силу зла и свое безсиліе въ борьбѣ съ нимъ: Вѣдь всѣ эти страданія, равно какъ и тѣ, не менѣе сильно ранившія сердце поэта, источникомъ коихъ была идеально-глубокая любовь къ родному краю, къ этой „разрытой могилѣ“, изъ которой вынули дорогія кости и надругались надъ ними,—все это были муки, на которыя Шевченко реагировалъ просто, какъ человѣкъ. Эти переживанія не чужды были и современникамъ его, хотя и въ меньшей степени и въ меньшемъ объемѣ. У Шевченка они подтачивали его силы, порою истощали ихъ, понижали его жизнѣдѣтельность, создавая всю ту сумму рефлексовъ, которые входятъ какъ составные элементы въ содержаніе личной драмы его, какъ человѣка вообще и какъ человѣка данной эпохи, поколѣнія и націи въ частности. Но къ этой драмѣ Шевченка прибавляется еще душевная драма его какъ генія и какъ поэта, ибо „нѣтъ мукъ сильнѣе муки слова“ и нѣтъ болѣе остраго и ущемленнаго сознанія, какъ сознаніе своего одиночества.

Исторія жизни Шевченка еще не написана полностью и не освѣщена, не изучена въ деталяхъ, несмотря на богатый матеріалъ, собранный покойнымъ А. Конисскимъ въ біографіи этого поэта и другими. Но тотъ, кто когда-нибудь осилитъ эту трудную, но назрѣвшую уже потребность украинскаго общества, этотъ будущій біографъ Шевченка, останавливаясь на драматическихъ моментахъ въ жизни поэта, освѣтитъ и любовно вскроетъ одно изъ наиболѣе мучительныхъ длительныхъ переживаній его. И, думается, изученіе этой стороны въ жизни Шевченка еще глубже уяснитъ намъ содержаніе пережитой имъ драмы и прибавитъ къ ней нѣчто новое, что еще болѣе усилитъ чувство нашей любви къ геніальному пѣвцу Украины, который давно уже ушелъ отъ насъ, но который еще долго будетъ жить и среди насъ, и среди тѣхъ поколѣній, которыя придутъ на смѣну намъ.

С. Петлюра.